

© 1997 г. Е.А. ЛЮТИКОВА

РЕФЛЕКСИВЫ И ЭМФАЗА*

0. ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей статьи – в какой-то мере способствовать поиску путей решения одной проблемы, поставленной впервые, насколько нам известно, уже лет двадцать назад. Речь идет о наблюдаемой во многих языках тесной связи между рефлексивными местоимениями (то есть местоимениями, используемыми для маркирования кореферентности в пределах одной пропозиции), с одной стороны, и так называемыми эмфатическими местоимениями¹ с другой стороны. Так, в английском языке одно и то же местоимение употребляется и как эмфатическое, и как рефлексив:

- (1a.) *I don't like him myself.*
Мне самому он не нравится.
- (b.) *I saw myself in the mirror.*
Я увидел себя в зеркале.

Эдмондсон и Планк [Edmondson, Plank 1978: 374], анализируя английский материал, замечают: "Судя по словоизменяющей парадигме, английские интенсификаторы... совпадают с рефлексивными местоимениями. Это совпадение вызывает несколько вопросов. Является ли эта связь между рефлексивизацией и интенсификацией лишь случайной омонимией? И, если нет, в чем состоит инвариант?"

Для объяснения продемонстрированной связи между "рефлексивизацией и интенсификацией" исследователи обычно шли по следующему пути. Беря за основу употребление местоимения (обычно английского местоимения на *-self*) в контексте рефлексивизации, они пытались выводить из известных нам синтаксических правил построения рефлексивных конструкций (в основном это подлежащий контроль) некие "семантические характеристики" местоимений, встречающихся в контексте рефлексивизации. Затем полученная таким образом "семантика" приписывалась соответствующему местоимению, употребленному эмфатически, или, по крайней мере, неким образом коррелировала с его функцией интенсификатора. К примеру, Эдмондсон и Планк замечают, что для возвратного местоимения важным оказывается такое синтаксическое свойство, как контроль со стороны подлежащего. Понятие универсального подлежащего (со ссылкой на Кинэна) используется для извлечения семантических характеристик "наиболее агентивной ИГ" – например, способности контролировать действие. После этого оказывается, что данные семантические характеристики коррелируют с выявленными реальными языковыми значениями интенсификаторов² [Edmondson, Plank 1978: 410–411]: "В ходе нашего анализа постоянно возникало одно понятие – понятие подлежащего. Как известно, подлежащее является важнейшей категорией в процессе рефлексивизации. Антецедент возвратного местоимения обычно

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, номер проекта 95–06–17324.

¹ В соответствии с англоязычной традицией их называют также эмфатическими рефлексивами (emphatic reflexives) или интенсификаторами (intensifiers).

² Заметим, что при выявлении этих значений авторы, по-видимому, уже имели в виду теорию "связи с подлежащим", отсюда несколько спорные утверждения о том, что "...интенсификаторы употребляются скорее с подлежащими ИГ чем с ИГ с другими ролями" [Edmondson, Plank 1978: 410].

является подлежащим. С другой стороны, при описании приименных интенсификаторов мы с необходимостью используем категорию подлежащего... Поэтому на вопрос о том, почему разнообразные эмфатические конструкции имеют именно данные, а не другие свойства или комбинации свойств, ответ будет следующий: все интенсификаторы субъективно ориентированы, отсюда и совпадение свойств подлежащего и интенсификаторов".

На наш взгляд, значительным шагом в решении поставленного вопроса явилась статья С. Кеммер [Kemmer 1993]. Кеммер отказывается в своем описании от объяснения эмфатического употребления данных единиц через рефлексивное и представляет их как бы параллельно, на разных уровнях: "Рассмотрим теперь отношение между эмфатическим и рефлексивным использованием местоимений на *-self*. Важнейшая функция маркеров рефлексивной семантики – сигнализировать о (неожиданной) кореферентности между двумя терминами одной предикации. С другой стороны, эмфатическое *-self* выполняет разнообразные функции идентификации референта, некоторым образом выделенного в дискурсе по сравнению с другими потенциальными референтами... Таким образом, эмфатическое *-self* функционирует на более высоком уровне организации дискурса, чем отдельная пропозиция, в то время как рефлексивное *-self* несет в себе информацию о референциальных отношениях между элементами пропозиции..."

Представляется возможным сделать и следующий шаг: совпадение рефлексивов и эмфатических местоимений (в тех языках, где оно засвидетельствовано) следует объяснить происхождением рефлексивов от эмфатических местоимений. Кажется немного более логичным исходить из эмфатической семантики и усматривать ее грамматикализацию в случае возвратного местоимения, чем исходить из семантики синтаксической (возвратной) конструкции и полагать, что она лексикализуется в эмфатическом местоимении.

В пользу этого решения нами выдвигаются следующие соображения. Во-первых, это анализ цахурских рефлексивов, предпринятый в разделе (1). Мы собираемся показать, что в языках без подлежащего мы имеем наиболее "чистый" случай рефлексивизации и что для определения семантики эмфатического местоимения мы не нуждаемся в понятии подлежащего.

Во-вторых, это анализ материала тех языков, в которых эмфатическая и рефлексивная семантика не объединяются в рамках одной лексемы (например, русский или немецкий). В русском языке возвратное местоимение *себя*, употребляющееся в рефлексивных контекстах, не имеет эмфатического "прочтения". Однако любопытным оказывается поведение русского слова *сам*, которое, с одной стороны, во многом соответствует эмфатическому употреблению английских рефлексивов (2а.), а с другой стороны часто встречается вместе с возвратным *себя* (2б., с.).

(2а.) *Прости, я сам теперь знаком со светом* (Лермонтов).

(б.) *Любовь слепи и, не доверяя самой себе, торопливо хватается за всякую опору* (Пушкин).

(с.) *Тут Бенгальский прервал сам себя и заговорил с другими интонациями* (Булгаков).

В разделе (2) будет показано, что русские рефлексивы в сочетании с эмфатическим местоимением могут быть объяснены сходным образом с цахурскими.

В разделе (3) будет сделан ряд типологических обобщений, касающихся рефлексивизации и ее связи с эмфатической семантикой.

1.1. Preliminaries. Дагестанские языки в типологическом аспекте.

Дагестанские языки (к которым относятся цахурский, багвалинский и даргинский, упоминаемые далее в статье) могут быть охарактеризованы как морфологически эргативные. Что касается синтаксиса, то засвидетельствованы как черты аккузативной, так и нейтральной стратегии. Важным для этих языков оказывается понятие семантической роли, которая определяет падежное оформление соответствующей ИГ.

1.2. Цахурское местоимение *wiʒ*.

Местоимение *wiʒ*⁴, традиционно считающееся рефлексивным местоимением, само по себе редко выступает в собственно рефлексивом контексте и по своим функциям, как замечает С.Ю. Толдова [Толдова 1997], скорее соответствует русскому местоимению *он*. Кроме того, это местоимение передает эмфатическую семантику. Представляется возможным выделить три основных класса употребления местоимения *wiʒ*.

а) Местоимение *wiʒ* может являться определением ИГ, копируя при этом ее падеж⁵:

(3)	<i>ʒu-ṣ-e</i>	<i>maʃtaʒallim-i-ṣ-e</i>	<i>dʒul = w = X-n</i>	<i>haʃaʔ-as</i>
	сам-AD-EL	учитель-OBL-AD-EL	NEG-3 = мочь-PF	решить-POT
пример,	<i>zi</i>	<i>haʃaʃaʔ-u-na.</i>		
пример.NOM	я.ERG	3.решить-PF-A.A		

Сам учитель не смог решить пример, а я решил.

б) Местоимение *wiʒ* может являться вершиной ИГ⁶ и выражать кореферентность как в пределах простого (4), так и сложного предложения (5); более того, его антецедент может находиться даже в другом предложении (6):

(4)	<i>ič-e:</i>	<i>ʒe-l-e</i>	<i>aqʃana</i>	<i>haʔ-a</i>
	девочка-ERG	сам-SUP-EL	смеяться	делать-IPF

Девочка над собой смеется./ Девочка над ней (над кем-то другим) смеется.

(5)	<i>coʒ-e:</i>	<i>wiʒ</i>	<i>siʔocaʔ-as</i>	<i>bajram</i>	<i>razira-wo = r</i>
	брат-ERG	сам.1-NOM	будить-POT	Байрам.NOM	согласен-COP = 1

Байрам согласен, чтобы его (Байрама или кого-либо другого) брат разбудил.

³ Данный раздел основан на материалах летних лингвистических экспедиций 1995–1996 гг. в с. Мишлеш Рутульского района Дагестана, руководимых профессором А.Е. Кибриком. Пользуюсь случаем, чтобы выразить огромную благодарность учителям мишлешской средней школы, без помощи которых языковой материал не мог бы быть собран, а также участникам экспедиций – А.Ф. Кибрику, С.В. Кодзасову, Я.Г. Тестельцу, С.Ю. Толдовой, С.Г. Татевосову и Е.Ю. Калининной, чье участие в обсуждении данной проблематики было весьма плодотворным.

⁴ Парадигма местоимения *wiʒ* приводится в [ЭЦЯ 1997]. Укажем только некоторые формы, необходимые для последующего изложения: местоимение 1 класса *wiʒ*, косвенная основа *ʒu-*, местоимение 2 класса *jiʒ*, косвенная основа *ʒe-*, местоимение 3 класса *wiʒ*, косвенная основа *ci-*, местоимение 4 класса *jiʒ*, косвенная основа *ci-*.

⁵ В роли модификатора ИГ может выступать и анафорическое *wiʒ* в атрибутивной форме (аналог possessивного местоимения), однако в этом случае копирование падежа не имеет места.

⁶ При анализе местоимения *wiʒ* в его немфатической функции мы во многом опираемся на материал, собранный С.Ю. Толдовой [Толдова 1997].

(6) *dagpeduniwersitet-e:*   *c'aX/-ni*   *miz-e-n*   *soɓɓa*
 Дагпедуниверситет-IN.ESS   цахурский-A.OBL   язык-OBL-A   отделение
aɕmiʃaʔ-u.
 открыть-PF

В Дагпедуниверситете открыли отделение цахурского языка.

ɕi-nɕe   *c'aX-ni*   *miz-e-n*   *maɕtullim-a:-r*
 сам.OBL.4.IN-EL   цахурский-A.OBL   язык-OBL-A.PL   учитель-PL-NOM.PL
qo:k-a.
 HPL.выпускать-IPF

Из него выпускают учителей цахурского языка.

в) местоимение *wiʒ* может входить в состав так называемого сложного (составного, сильного) рефлексива, использующегося только для маркирования кореферентности в пределах одной пропозиции. Сложный рефлексив состоит из двух местоимений *wiʒ*, одному из которых приписан падеж контролера, а другому – мишени рефлексивизации:

(7) *rasul-e:*   *wiʒ-e:*   *wiʒ*   *geɬi.*
 Расул-ERG   сам-ERG   сам.NOM   бить.PF

Расул сам себя побил.

Остановимся сперва на случае б). Как нам кажется, примеры свидетельствуют о том, что местоимение *wiʒ* не укладывается в традиционную схему классификации средств повторной номинации на связанные в своей локальной области анафоры, свободные в своей локальной области прономинанты и референциально полные именные группы. Для цахурского языка в качестве основания классификации подобных единиц скорее подошел бы признак "обязательности связанности в локальной области": так, для местоимения *wiʒ* этот признак имеет значение "-". Антецедент данного местоимения в зависимости от различных прагматических факторов может быть найден как в той же простой предикации, так и в главной либо зависимой предикации в случае сложного предложения, а также и вне пределов данного предложения.

Напротив, сильный рефлексив (пункт в)) обязательно связан в своей локальной области⁷. Его антецедентом может быть только ИГ в той же предикации.

Возникает вопрос, каким образом связаны употребление простого местоимения *wiʒ* в роли маркера кореферентности, его употребление в составе сильного рефлексива и его употребление в качестве модификатора ИГ. Нам представляется возможным описать сильный рефлексив, опираясь на значение местоимения *wiʒ* в применном употреблении, выделяемом в разделе 1.2.1, и на сведения о его функционировании как средства повторной номинации.

1.2.1. Местоимение *wiʒ* в применном употреблении.

Как уже отмечалось, местоимение *wiʒ* может являться модификатором ИГ, копируя при этом ее падеж. В такого рода употреблениях местоимение *wiʒ* привносит эмфатическую семантику, аналогичную семантике русского *сам* из (2а.) или английского *myself* из (1а.). В таких случаях будем называть местоимение *wiʒ* эмфатическим. Эмфатическое местоимение *wiʒ* принадлежит к так называемым дискурсивным лексическим элементам. Специфика этих элементов состоит в их семантике, не поддающейся эксплицитному толкованию обычными средствами. Причина 'неуловимости' их значений кроется в их функциональной природе. Эти элементы участвуют не столько в построении денотативного слоя смысла высказывания, сколько в 'привязывании'

⁷ Под локальной областью мы здесь понимаем пределы простой предикации.

этого смысла к ситуации акта речи. Многие из этих элементов являются сигналами, облегчающими адресату речи правильное согласование смысла текущего высказывания с имеющимися у него знаниями или перестройку активированных знаний, в соответствии с информацией, содержащейся в текущем высказывании (см. [Джонсон-Лэрд 1988]).

Эмфатическую семантику, передаваемую местоимением *wuʒ*, можно описать при помощи предложенных в [Кибрик, Богданова 1995] толкований. Заметим, что эти толкования, предложенные для русского слова *сам*, не используют такого синтаксического понятия, как подлежащее, и даже не указывают на семантические свойства, присущие обычно подлежащим ИГ в языках, к которым это синтаксическое понятие применимо (например, свойство "наибольшей агентивности"). Поэтому они могут быть применены и для описания местоимения *wuʒ* в цахурском – бесподлежащем – языке. Тем самым, по-видимому, ставится под сомнение цитирувавшееся выше утверждение, что "...все интенсификаторы субъектно ориентированы".

Итак, выделяется пять значений эмфатического *wuʒ* – добавляющее, контрастивное, самостоятельное, неожиданное и дискурсивное. Коротко остановимся на них.

1.2.1.1. Добавляющее *wuʒ*

(8) *-i sanixa maktab-e:-a = r j = ixa deʃ.*
 я вчера школа-IN-ASS = 2 2 = быть NEG
hiʒo Xaqa hiwo-j = d ac'a-n deʃ.
 что домой дать.PF-MASD = 4 знать.IPF-A NEG
ac'al-es wo = d-un iʃan, jiv-ni
 знать-POT COP = 4-A хотеть.IPF твой-A.OBL
ʃoʒ-u-k-e: idRin haʔ-u.
 брат-OBL-CONT-EL вопрос делать-PF
-ju-da ʃoʒ wuʒ sanixa hiwaq -a-ni.
 мой-A.A брат сам.1 вчера прогулять-IPF-NI
qidRin heʔ-e jug = da ixes
 вопрос делать.-IMP хорошо = 4 быть.POT
ʃatʔimat-i-k-e:.
 Патимат-OBL-CONT-EL

– Я вчера не была в школе, не знаю, что задали на дом. Хочу узнать, спросить у твоего брата.

– Мой брат сам вчера прогулял, спроси лучше у Патимат.

Рассмотрим пример (8). Одна из собеседниц заявляет, что явилась участником ситуации Р "отсутствовать в школе накануне разговора". Задавая вопрос о домашнем задании, она опирается на предположение о том, что брат собеседницы (Х) не является участником ситуации Р, то есть был накануне в школе. Собеседница сообщает прогульщице, что ее брат (Х) также входит в число участников ситуации Р, потому последней следует произвести коррекцию своих ожиданий относительно пребывания Х-а в школе, и, как следствие, относительно возможности выяснять у него домашнее задание.

Дадим теперь формальное толкование добавляющего *wuʒ*. Оно состоит из двух частей. В первой части формулируются условия уместности добавляющего *wuʒ* (предположения говорящего о некоторых ожиданиях адресата в данной точке дискурса), во второй – инструкция по коррекции этих ожиданий.

⟨Состояние ожиданий адресата: 'Имеется несколько потенциальных участников (с ролью i) ситуации Р; из знаний адресата о свойствах Х-а следует, что Х не является участником (с ролью i) ситуации Р'⟩

⟨Инструкция адресату о коррекции ожиданий: 'Х входит в множество участников Р'⟩

В примере (9) ситуацией Р является умение вкусно готовить хинкал, Х-ом – сестра Патимат:

(9)	<i>zu-s</i>	<i>ik:an-ni</i>	<i>jiz-di</i>	<i>jič'o-j-s</i>
	я.OBL-DAT	хотеть.IPF-NI	мой-A	сестра-OBL-DAT
	<i>fat'imut-i-s</i>	<i>Xarqaʔ-as</i>	<i>naXode</i>	
	Патимат-OBL-DAT	научить-POT	как	
	<i>i'ele-bi</i>	<i>jug-um-mi</i>	<i>haʔ-as</i>	
	хинкал-PL	хороший-A-PL	делать-POT	
	<i>jed-i-k-e</i>	<i>qidRin</i>	<i>haʔ-u</i>	<i>o = d = k'un-na</i>
	мать-OBL-CONT-EL	вопрос	делать-PF	4 = писать-A.A
	<i>ac'axa-jm-mi</i>	<i>fat'imat-e:</i>	<i>již-e:</i>	<i>h/amaX/d-um-mi-ža = d</i>
	знать.PF-A-PL	Патимат-ERG	сам.2-ERG	такой-A-PL-EMPH
	<i>i'ele-bi</i>	<i>haʔ-as</i>	<i>ixa-j</i>	
	хинкал-PL	делать-POT	быть-MASD	

Я хотела рассказать своей сестре Патимат, как вкусно готовить хинкал. Спросила у матери, записала. А оказалось, что Патимат сама так же хинкал готовит.

1.2.1.2. Контрастивное *wuž*

Контрастивное *wuž* обычно сопровождается другой эмфатической частицей $-ža = d^{\delta}$. С ним мы встречаемся, например, в (10).

(10)	<i>jiz-da</i>	<i>č'ož</i>	<i>d/ajq/an-ni</i>	<i>zi dač'-i-s</i>
	мой-A.A	брат	бояться.IPF-NI	я отец-OBL-DAT
	<i>diwa-ni</i>	<i>halk'e</i>	<i>epe-wi</i>	<i>za-k'le</i>
	двойка-A.OBL	о	сказать.IPF-WY	я.OBL-AFF
	<i>hiqa-ža = d</i>	<i>iwho-jn</i>	<i>zi idjoh-i-nima</i>	
	перед-EMPH = 4	сказать.PF-A	я	NEG.сказать-MASD-чтобы
	<i>denewnek-i = b</i>	<i>djugulj ha = w = ʔ-u</i>		
	дневник-ASS = 3	3 = прятать-PF		
	<i>goyne = r</i>	<i>jiz-da</i>	<i>č'ož</i>	<i>k'elerXin</i>
	потом = 1	мой-A.A	брат	1.забыл.PF
	<i>wuž-ža = r</i>	<i>jišonxa-na</i>		
	сам.1-EMPH = 1	рассказать.PF-A.A		

Мой брат боялся, что я расскажу отцу про двойку. Предупреждал меня, чтобы я не говорила, спрятал дневник. А потом мой брат сам проболтался.

В (10) в качестве ситуации Р мы имеем неприятный для брата "рассказ отцу о двойке". Потенциальными участниками этой ситуации, вообще говоря, могут быть все лица, которым про двойку известно: сестра, другие соученики, учитель, а также сам двоечник (X). Представляется, однако, что двоечник, опасаясь наказания, наименее правдоподобен в качестве рассказчика. В (10) утверждается, что слушающим необходимо скорректировать свои предположения и добавить к своему фонду знаний следующее: именно X является участником ситуации Р.

(Состояние ожиданий адресата: 'X входит в число потенциальных кандидатов на роль участника ситуации Р, но является среди них наименее правдоподобным')

(Инструкция адресату о коррекции ожиданий: 'Именно X и только он является участником события Р')

В примере (11) потенциальными участниками ситуации Р "встретить гостя, проводить в дом и т.д." являются все обитатели дома, и ожидания слушающего состоят в том, что эти действия будет производить менее значимая фигура, чем хозяин (X) – возможно, его жена или кто-то из детей. Утверждается, однако, что именно X и только он является участником данной ситуации.

⁸ Любопытно, что эмфатические местоимения в контрастивном и самостоятельном значении близки в разных языках. Так, в русском языке контрастивное и самостоятельное *сам* отличаются от других постпозиций и контрастивным акцентом. В цахурском же языке контрастивное и самостоятельное *wuž* обычно встречаются в сопровождении усилительной частицы $ža = d$.

(11) *ejs-e:*   *Xaw-ni*   *wiž-e:-ža = r*
 хозяин-ERG   дом-А.ОБЛ   сам.1-ERG-EMPH = 1
aķena   *mixman*   *qizaX-i,*   *Xa-qa*
 в.дверях   гость   встретить-PF   дом-ALL
ajš-u,   *istol-u-t-qa*   *gjaʔ-u,*
 провести-PF   стол-ОБЛ-SUPER-LAT   сажать PF
kar   *gix-i*
 вещь   ставить-PF

Хозяин дома сам в дверях гостя встретил, провел в дом, усадил к столу, предложил еду.

1.2.1.3. Самостоятельное *wiž*

Самостоятельное *wiž*, как уже было отмечено, близко к контрастивному и сопровождается частицей *ža = d*. Говоря неформально, 'самостоятельное' совершение X-ом какого-либо действия обычно предполагает намерение (willing) X-а и его способность совершить это действие без посторонней помощи. Рассмотрим пример (13):

(13) *faiʔmat-e:*   *Gijnju*   *již-e:-ža = d*   *kar*   *ha = w = ʔ-u*
 Патимат-ERG   сегодня   сам.2-ERG-EMPH-4   вещь   3 = делать-PF
t'ele-bi   *haʔ-u,*   *ginej*   *qež-u,*
 хинкал-PL   делать-PF   хлеб печь   -PF
je   *zi*   *je*   *jed-e:*   *že-s*   *kumag*
 ли   я.ERG   ли   мать-ERG   сам.2.ОБЛ-DAT   помощь
haʔ-u ERG   *deš.*
 делать-PF   NEG

Патимат сегодня сама приготовила еду: сварила хинкал, испекла хлеб, ни я, ни мать ей не помогали.

Ожидания слушающего здесь, по всей видимости, состояли в том, что без посторонней помощи Патимат (X) неспособна осуществить такой объем работ (P). Утверждение состоит в том, что Патимат – единственный участник события P, то есть что такая помощь отсутствует.

В (14) мы встречаемся с другим типом "самостоятельности" – отсутствием внешней каузации. Предположения слушающего состоят в том, что для того, чтобы ситуация P "уход Байрама" имела место, необходимо ее каузировать, а проще говоря – прогнать Байрама. Утверждается, что Байрам (X) станет участником ситуации P и без внешней каузации.

(14) *ʔazim = ra*   *deš-da*   *bajram*   *qiRahi.*
 нужно = 1   NEG-A.A.   Байрам   прогнать.PF
hajram   *wiž-ža = r*   *al,haʔas-da.*
 Байрам   сам.1-EMPH = 1   уйти-POT-A.A

Не надо Байрама прогонять, Байрам сам уйдет.

Толкование, таким образом, имеет следующий вид:

(Состояние ожиданий адресата: 'Без внешней каузации или помощи X скорее всего не станет участником события P')

(Инструкция адресату о коррекции ожиданий: 'X и только X является контролером и участником события P')

1.2.1.4. Неожидаемое *wiž*

Пример употребления неожиданного *wiž* мы находим в предложении (15). Знания говорящего и слушающего о Патимат (плохо учится) имплицитно предполагают ожидание, что Патимат (X) не станет участником ситуации P "решить пример".

Неожидаемое *wiž* сигнализирует о необходимости скорректировать это ожидание:

(15) *fat'imat-e: pis = da q/adq/lan,*
 Патимат-ERG плохой = 4 4.учиться.PF
amma hama-na pirmer hamaX/lu = b
 но этот-А.А пример такой = 3
rah/at-na w = uxa, že-še = b fat'imat-i-še = b
 легкий-А.А 3 = быть.PF сам.2.OBL-ADEL=3 Патимат-OBL-ADEL = 3
hama-na h/alja?-as w = aX/ -a-na.
 этот-А.А решить-POT 3 = мочь-IPF-А.А

Патимат плохо учится, но этот пример был такой легкой, что даже Патимат смогла его решить.

(Состояние ожиданий адресата: 'Х имеет такую оценочную характеристику МАКС, что его участие в событии Р не ожидается')

(Инструкция адресату о коррекции ожиданий: 'Событие Р имеет место при участии Х-а')

Заметим, что оценочная характеристика МАКС может вычисляться коммуникантами в каждом случае по разным качествам. В (15) этим качеством были и умственные способности Патимат, знание о которых слушающий только что получил. В примере (16) оценочная характеристика МАКС вычисляется на основании знаний коммуникантов о мире, в частности, знаний о социальной стратификации жителей деревни, где директор школы – одно из самых уважаемых лиц:

(16) *ši qopt'ul-im-mi dawat-bi-še-qa*
 мы пригласить-А-PL свадьба-PL-OBL.PL.-ALL
maktab-ni direktur-ni zu-ni Xu-qa,
 школа-А.OBL директор-А.OBL сам.1.OBL-А.OBL дом-ALL
hama-na ša-s lap Xe = b-na
 этот-А.А мы.OBL-DAT очень большой = 3-А.А
iš w = uxa.
 дело 3 = быть.PF

Нас пригласили на свадьбу в дом к самому директору школы, это для нас большая честь.

1.2.1.5. Дискурсивное *wuž*

Дискурсивное *wuž*, как следует из названия, стоит несколько особняком: оно не всегда может быть реализовано в пределах одного предложения и действует скорее на уровне текста.

(17) *haj-na rasul, jiz-da Ganši wo = r-na*
 вот-А.А Расул мой-А.А сосед COP-1.А.А
haj-na zu-na hunaiše, ark'ina-nu maktab-e:-qa.
 вот-А.А сам.1.OBL-А.А жена идти.PF-А.А школа-IN-LAT
hama-na haša išlemišex-e wo = r-na
 этот-А.А там работать-IPF COP = 2-А.А.
mal'tallim-ni walli. wuž rasul čoban,
 учитель-А.OBL как сам.1 Расул чабан
hama-či-lj alla zu-ni Xu?a
 этот-А-OBL.4-SUP из-за сам.1.OBL-А.OBL дома
sik'ina d-exe-na, ammi ušar-a-ši-k'a
 часто NEG-быть-IPF-А.А но ребенок-PL-OBL.PL-COMIT
e:χ/ -a-na-Xe jičo zu-ni hunaiše-na.
 2.оставаться-IPF-А-НАВИТ сестра сам.1.OBL-А.OBL жена-А.А

Вот Расул, мой сосед. Вот его жена пошла в школу, она там работает учительницей. Сам Расул – чабан, поэтому его часто не бывает дома, а детьми остается сестра его жены.

В примере (17) речь идет о семье Расула (X), который является своего рода гипертемой данного отрывка – знакомство с его семьей начинается с демонстрации Расула, а члены семьи описываются с его "точки зрения" – жена Расула, дети Расула⁹. В некоторый момент роль текущего топика играет жена Расула, а затем местоимение *wuʒ* маркирует возвращение на роль текущего топика гипертермы *Расул*.

Для дискурсивного *wuʒ* знаниями адресата являются, таким образом, дискурсивные ожидания:

(Состояние дискурсивных ожиданий адресата: 'Текущим топиком дискурса скорее всего является Y')

(Инструкция адресату о коррекции дискурсивных ожиданий: 'Верни на роль топика гипертему – X')

(18) *fat'imat jetiR = ra uftan-na iči*
 Патимат довольно = 2 красивый-А.А. девушка
wo=r-na. ʒe-qa = d č'ek'-in ulap-bi
 COP=2-А.А сам.2.OBL-POSS-NPL большой-А глаз-PL
wo = d, k'in-na qow wo = b,
 COP = NPL маленький-А.А нос COP = 3
six-in k'ak'-bi, lap ʒag ara-n sili-bi.
 густой-А ресница-PL очень белый-А зуб-PL
jiʒ aḳa dʒuzju-nʒa haʔ-as
 сам лицо точно-А.А делать-POT
lap-ʒa = d giʒgiʒje = da wo = d.
 очень-EMPH = 4 круглый = 4 COP = 4

Патимат – довольно красивая девушка. У нее большие глаза, маленький нос, густые ресницы и очень белые зубы. Само лицо у нее, правда, слишком круглое.

В примере (18) в качестве гипертемы (X) выступает лицо Патимат, поскольку представления о красоте ассоциируются в основном с лицом человека. Текущими топиками (Y) являются глаза, нос, ресницы, зубы. В последнем предложении происходит возврат к гипертеме "лицо", что и маркируется местоимением *wuʒ*.

Еще один пример. В (19) гипертемой является Магомед, текущим топиком – предки рода Кади:

(19) *ʒe-m-mi, ma-m-m-iši-n at'ababa-bi*
 тот-А-PL этот-А-PL-OBL.PL-A.NOM.PL предок-PL
wo-b-im-mi Gojinč-e:-r, ma-na
 COP = NPL-A-PL животновод-PL-NOM.PL этот-А.А
ma/hammad kiši wuʒ direktor ix-e:-r.
 Магомед мужчина.1 сам.1 директор.1 1.статья-COND = ASS.1
ma-m-m-iši-n babas-e:-r
 этот-А-PL-OBL.PL-A дед-PL-NOM.PL
giʒ-na-n Gojinč-e:-r w = ixa.
 сильный-ADJ-A животновод-PL-NOM.PL HPL = статья.PF

Те (предки Кади), ихние (рода Кади) предки были животноводы, он, мужик Магомед, (хотя и) сам директор был, ихние (рода Кади) деды сильные животноводы были.

Представляется перспективным использование для описания дискурсивного *wuʒ* термина *reference point*, предложенного Р. Лангакером [Langacker 1991], о чем замечает в своей работе и С. Кеммер [Kemmer 1993]. *Reference point* – это концептуализация, используемая для доступа к другим концептуализациям. Р. Лангакер отмечает, что топи-

⁹ Иначе говоря, ИГ *Расул* на протяжении данного повествования находится в фокусе эмпатии (см. об этом [Чейф 1982]). Вообще говоря, попадание в фокус эмпатии типично для ИГ, являющихся темой высказывания.

ки могут быть охарактеризованы как 'точки референции', вокруг которых структурируется дискурс. Топик – это выделенная концептуализация, которая действует как своего рода 'когнитивный якорь'; другие, подчиненные концептуализации вводятся в дискурс благодаря своим связям с 'точками референции'. В случае ситуационных топиков более уместно говорить о 'фреймах/сценариях референции', слотами которых могут являться подчиненные концептуализации.

Проанализируем в этих терминах примеры (20) и (21). В (20) такой точкой референции является Расул, по всей видимости, известный коммуникантам. Брат Расула вводится в дискурс посредством указания на его связь с этим "когнитивным якорем" (Расул ← его брат). Местоимение *wiž* сигнализирует о возвращении к исходной точке референции.

(20) *m-a saži čož wo = r-na rasul-na,*
 здесь только брат COP = 1-A.A Расул-A.A
wiž rasul wo = r-na Xiw-e.:
 сам.1 Расул COP = 1-A.A деревня-IN

Здесь только брат Расула, а сам Расул – в деревне.

В предложении (21) в качестве точки референции выступает фрейм дома, посредством активизации которого мы получаем когнитивный доступ к одному из его слотов – участку земли возле дома. Возвращение к дому маркируется с помощью дискурсивного *wiž*.

(21) *jiše-n žiga Xe = d-in wo = d-un,*
 наш-A место большой = 4A COP = 4-A
anma iž Haw wo = d-un k'in-in.
 но сам.4 дом COP-4-A маленький-A

Участок у нас большой, а дом – маленький.

Как видим, анализ в терминах 'точка референции/топик' весьма сходен с принятым в данной работе анализом в рамках 'гипертемы/топика'. Возможно, первый из них более 'когнитивен' и глубже, чем второй, однако представляется, что 'гипертемовый' анализ всегда можно развернуть и получить искомый 'глубокий'.

1.2.1.6. Инвариант.

Таким образом, мы рассмотрели базовые значения лексемы *wiž*. Эти значения имеют много общего. Все они относятся к одной и той же дискурсивной задаче говорящего:

Сфокусировать внимание адресата на том, что говорящий знает, что информация об X-е в текущем сообщении противоречит ожиданиям (знаниям) адресата и что в знания об X-е необходимо внести соответствующее исправление.

Более того, эмфатическое местоимение *wiž* ориентировано на весьма конкретный вид знаний адресата об X-е и основанных на них ожиданиях, а именно, оно появляется в ситуации, когда участие X-а в ситуации P имеет низкую/нулевую вероятностную оценку, которая основана на том, что на шкале значений некоторой качественной характеристики (q) X имеет предельное (максимальное/минимальное) значение. При этом коррекции подлежит не позиция X-а на шкале качества, а вероятностная импликация о неучастии X-а в ситуации P.

Более формальная запись инварианта толкований эмфатического *wiž* может быть представлена следующим образом:

(Состояние знаний адресата:

'X имеет невысокую/нулевую вероятностную оценку его вхождения в потенциальное множество Q участников события P, т.к. среди потенциальных членов множества Q он имеет предельный максимальный/минимальный ранг (МАКС) по некоторому качеству q')

(Инструкция адресату о коррекции знаний:

'Измени имплицативное знание об X-е относительно его участия в событии P: X участвует в событии P').

1.2.2. Приименное *wiʒ* в контексте рефлексивизации.

От сильного рефлексива следует отличать конструкции со слабым рефлексивом, в которых эмфатическое местоимение *wiʒ* определяет одну из наличествующих полных ИГ. Сравним (22) и (23):

(22) *rasul-e: ʒu-s   alʒɔin   ʁaw*
Расул-ERG   сам.OBL-ERG   купить.PF   дом

Расул купил себе дом

(23) [*rasul-e: wiʒ-e: ʒu-s   alʒɔin   ʁaw*]
Расул-ERG   сам-ERG   сам.OBL-DAT   купить. PF   дом

Расул сам купил себе дом.

В (23) самостоятельное *wiʒ* служит аппозитивным определением ИГ *rasule:* и не входит в составной рефлексив. Доказательством этого утверждения служит тот факт, что между частями сложного рефлексива не может быть вставлен никакой лексически самостоятельный материал¹⁰, в то время как (23) допускает следующий перифраз:

(23а.) [*rasul-e: wiʒ-e: ʁaw   ʒu-s   alʒɔin*]
Расул-ERG   сам-ERG   дом   сам-OBL-DAT   купить.PF

Расул сам купил себе дом.

1.2.3. Сильный рефлексив.

В этом разделе предполагается объяснить строение и употребление цахурских составных рефлексивов исходя из двух функций местоимения *wiʒ* – функции эмфатического местоимения и функции средства повторной номинации в тексте.

1.2.3.1. Стросные составных рефлексивов.

Как уже было показано, цахурский сильный рефлексив состоит из двух местоимений *wiʒ* в падежах контролера и мишени рефлексивизации. С фонетической точки зрения это сочетание представляет из себя неделимую форму с одним общим ударением. Между частями сложного рефлексива не может быть вставлено никаких самостоятельных слов. Типологически цахурский сильный рефлексив следует, по всей вероятности, отнести к классу композитов. Сравним, например, цахурский материал с ирландским:

(24) *ghortaigh Seán é féin*
поранил Шон его самого

Шон поранил себя.

Английские местоимения на *-self* исторически также являются композитами. По этому поводу С. Кеммер пишет: "Исторически, местоименный компонент форм на *-self* служил вершиной ИГ, а элемент *-self* был (лексически независимым) адьюнктом при этой вершине, выражая эмфатическую семантику. Со временем элемент *-self* слился с местоимением и стал с необходимостью появляться в случае кореферентности..." [Kemmer 1993]. Однако, на наш взгляд, связь между частями цахурского сложного рефлексива не достигла такой степени, чтобы можно было говорить о конструкции *wiʒe: wiʒ* как о единой ИГ. Доказательством этому служит следующий факт, наблюдаемый в цахурском синтаксисе.

В цахурском языке в том случае, когда зависимая предикация выражена масдаром, возможен перевод одной и только одной из зависящих от масдара ИГ в атрибутив (подробнее об этом см. [ЭЦЯ 1997]). Попробуем "подвесить" клаузу, содержащую сильный рефлексив, к главному глаголу, требующему масдара, и попытаемся провести все возможные атрибутивизации.

¹⁰ Возможно вставление усилительной частицы *ʒa = r(wiʒe, ʒar wiʒ)*.

- (25) *hajram inʒamiʃex-e-wo=r fat'imat-e: jiʒ-e: jiʒ*
 Байрам.NOM верить-IPF-COP = 1 Патимат-ERG сам-ERG сам.NOM
get, -i-l-qa
 бить-MASD-SUP-ALL
 Байрам верит, что Патимат себя побила (самое себя)¹¹.
- (26) *hajram inʒamiʃex-e-wo=r fat'imat-e: ʒe-ni jiʒ*
 Байрам.NOM верить-IPF-COP = 1 Патимат-ERG сам-А.OBL сам.NOM
get, -i-l-qa
 бить-MASD-SUP-ALL
 Байрам верит, что Патимат себя побила (самое себя).
- (27) *hajram inʒamiʃex-e-wo=r fat'imat-e: jiʒ-e: ʒe-ni*
 Байрам.NOM верить-IPF-COP = 1 Патимат-ERG сам-ERG сам-А.OBL
get, -i-l-qa
 бить-MASD-SUP-ALL
 Байрам верит, что Патимат себя побила (самое себя).
- (28)* *hajram inʒamiʃex-e-wo=r fat'imat-e: ʒe-ni ʒe-ni*
 Байрам.NOM верить-IPF-COP = 1 Патимат-ERG сам-А.OBL сам-А.OBL
get, -i-l-qa
 бить-MASD-SUP-ALL
 Байрам верит, что Патимат себя побила (самое себя).
- (29) *hajram inʒamiʃex-e-wo=r fat'imat-ni jiʒ-e: jiʒ*
 Байрам.NOM верить-IPF-COP = 1 Патимат-А.OBL сам-ERG сам.NOM
get, -i-l-qa
 бить-MASD-SUP-ALL
 Байрам верит, что Патимат себя побила (сама себя/самое себя).
- (30) *hajram inʒamiʃex-e-wo=r fat'imat-ni ʒe-ni jiʒ*
 Байрам.NOM верить-IPF-COP = 1 Патимат-А.OBL сам-А.OBL сам. NOM
get, -i-l-qa
 бить-MASD-SUP-ALL
 Байрам верит, что Патимат себя побила (*сама себя/самое себя).
- (31) *hajram inʒamiʃex-e-wo=r fat'imat-ni jiʒ-e: ʒe-ni*
 Байрам.NOM верить-IPF-COP = 1 Патимат-А.OBL сам-ERG сам-А.OBL
get, -i-l-qa
 бить-MASD-SUP-ALL
 Байрам верит, что Патимат себя побила (сама себя/*самое себя).
- (32) **hajram inʒamiʃex-e-wo=r fat'imat-ni: ʒe-ni ʒe-ni*
 Байрам.NOM верить-IPF-COP = 1 Патимат-А.OBL сам-А.OBL сам-А.OBL
get, -i-l-qa
 бить-MASD-SUP-ALL
 Байрам верит, что Патимат себя побила (сама себя).
- (33) *hajram inʒamiʃex-e-wo=r fat'imat jiʒ-e: jiʒ*
 Байрам.NOM верить-IPF-COP = 1 Патимат-NOM сам-ERG сам.NOM
get, -i-l-qa
 бить-MASD-SUP-ALL
 Байрам верит, что Патимат себя побила (сама себя).
- (34) *hajram inʒamiʃex-e-wo=r fat'imat ʒe-ni jiʒ*
 Байрам.NOM верить-IPF-COP = 1 Патимат-NOM сам-А.OBL сам.NOM
get, -i-l-qa
 бить-MASD-SUP-ALL
 Байрам верит, что Патимат себя побила (сама себя).

¹¹ О русском переводе *сама себя/самое себя* и о выборе падежа (эргатив или номинатив) сохраненной ИГ 'Патимат' см. 2.3.1.

(35) *bajram injamišex-e-wo=r fat'imat již-e: že-ni*
 Байрам.NOM верить-IPF-COP = 1 Патимат-NOM сам-ERG сам-A.OBL

get, i-l-qa
 бить-MASD-SUP-ALL

Байрам верит, что Патимат себя побила (сама себя).

(36)* *bajram injamišex-e-wo=r fat'imat že-ni že-ni*
 Байрам.NOM верить-IPF-COP = 1 Патимат-NOM сам-A.OBL сам-A.OBL

get, i-l-qa
 бить-MASD-SUP-ALL

Байрам верит, что Патимат себя побила (сама себя).

Сведем полученные результаты в таблицу (П обозначает падеж, А – атрибутив; таким образом, сочетание ПАП значит, что первое и третье имя сохраняют падеж, а второе переводится в атрибутив).

Из таблицы видно, что сложный рефлексив не составляет единой ИГ (иначе была бы возможной конструкция ПАА). Строки таблицы, соответствующие конструкциям ААП и АПА свидетельствуют, что имя Патимат входит в одну ИГ с рефлексивом, стоящим в том же падеже; вторую же ИГ составляет оставшееся местоимение.

Таким образом, с точки зрения своего строения сильный рефлексив распадается на два компонента. Можно предположить, что исторически один из этих компонентов мог играть роль средства повторной номинации, а другой – эмфатического элемента. В следующем разделе будут высказаны предположения о том, почему эмфатический элемент стал с необходимостью появляться в ситуациях, соответствующих употреблению цахурского сильного рефлексива.

1.2.3.2. Как мы уже видели в п. 1.2, в простом предложении цахурского языка возможен как сильный, так и слабый рефлексив. Мы полагаем, что распределение сильного и слабого рефлексивов в простом предложении может быть функционально обосновано при опоре на основные значения эмфатического *wiž*. Представляется необходимым рассмотреть здесь два вопроса, связанные с функционированием сильного рефлексива. Это вопрос об актантной vs. сирконстантной роли мишени рефлексивизации и о внутренне vs. внешне ориентированных действиях в предикации с кореферентностью двух актантов.

1.2.3.2.1. Центральный или периферийный актанта.

С.Ю. Толдова [Толдова 1997] отмечает, что сильный рефлексив характерен для маркирования кореферентности актантов в случае прототипически переходных глаголов (например, с рамкой [ERG, NOM]). С другой стороны, если мишенью рефлексивизации является сирконстант или послеложно-падежная группа, то сильный рефлексив малодопустим:

(37) *rasul-e: wiž-e: wiž jaralamiša?-u-na*
 Расул-ERG сам-ERG сам-NOM ранить-PF-A.A

Расул ранил самого себя.

(38) *rasul iljaq-i-na (wiž) žu-qa naž ar-e-nče*
 Расул.NOM смотреть-PF.A.A сам.NOM сам.OBL-AL зеркало-IN-EL

Расул посмотрел на себя в зеркало.

(39) *gade-j-k'le Gaže-jn dal žu-ni k'ane*
 мальчик-OBL-AFF видеть-PF-A палка.NOM сам.OBL-A.OBL возле

Мальчик увидел палку возле себя.

Как можно объяснить различное поведение актантов и сирконстантов в качестве мишени рефлексивизации? В качестве грамматического (синтаксического) объяснения может быть предложен принцип со-argument disjoint reference (CDR) [Farmer, Harnish 1987]. Он гласит, что прономинальные аргументы одного предиката с необходимостью некорреферентны. Поскольку цахурское местоимение *wiž* может в ряде случаев вести

	fat'imate:jiže:již (самое себя)	fat'imat jiže:již (сама себя)
ППП	+(25)	+(33)
ПАП	+(26)	+(34)
ППА	+(27)	+(35)
ПАА	-(28)	-(36)
АПП	+(29)	+(29)
ААП	+(30)	-(30)
АПА	-(31)	+(31)
ААА	-(32)	-(32)

себя как прономинал (см. 1.2), то оно не должно употребляться при кореферентности актантов одного предиката (37). Можно предположить, что в непрототипически переходной ситуации (38) ИГ в локативе может трактоваться как переходный случай между актантом и сирконстантом, что приводит к допустимости маркирования кореферентности местоимением *wiž*. Любопытно, что допустимость *wiž* возрастает при отсутствии контролируемости действия (что уменьшает транзитивность ситуации и приводит к тому, что высказывание воспринимается как информация о первом актанте, а второй актант низводится до роли сирконстанта). С.Ю. Толдова объясняет допустимость *wiž* в (40) и (41) тем, что в данных примерах описываются "неконтролируемые" в разных смыслах ситуации: в (40) контролером местоимения является не лицо, в (41) явным образом указывается, что действие произошло случайно.

(40) *a/malle gol-e:-qa či-qa-(ža = b) iljaq-i*
оссл.НOM лужа-IN-ALL сам-ALL-(EMPH = 3) смотреть-PF

Осел посмотрел на себя в луже.

(41) *ajsat-i-k le již birdan naqar-e:-nče Ga = j-že:.*
Айшат-OBL-AFF сам. 2. NOM случайно зеркало-IN-EL 2=видеть. PF
pažmanixa-na
огорчиться. PF-A.A

Айшат увидела случайно себя в зеркало и расстроилась.

Итак, местоимение *wiž* в позиции актанта в соответствии с принципом CDR не может трактоваться как кореферентное другой актантной ИГ в данной предикации. Синтаксически роль "второго" *wiž*, таким образом, состоит в том, чтобы "подавить" принцип CDR и сделать кореферентность возможной.

При таком "синтаксическом" объяснении возникает два вопроса. Во-первых, в чем состоит функциональная природа принципа CDR? И, во-вторых, почему именно второе *wiž* используется для его подавления?

Очевидно, в большинстве случаев (см. 1.2.3.2.2) прототипической является ситуация, когда основные участники сцены, описываемой неким предикатом, различны¹². Случай, когда один участник играет одновременно две разные роли, прагматически маркирован. Поэтому при анализе предложения

(42) *rasul-e: wiž get-u*
Расул-ERG сам.НOM бить-PF

слушающий, исходя из неестественности совпадения референтов двух центральных актантов, приходит к выводу, что местоимение *wiž* здесь относится к другому референту, ранее упомянутому в дискурсе. Для того, чтобы описать прагматически маркированную ситуацию кореферентности двух актантов, необходимо употребить некоторым образом маркированную форму.

¹²Что касается сирконстантных ИГ, то они, на наш взгляд, нейтральны в отношении возможной кореферентности, ср. *убил его* естественнее, чем *убил себя*, но *пришел к нему домой* и *пришел к себе домой* в равной степени описывают нормальное положение дел.

Каким же образом строится эта маркированная форма? Она состоит из местоимения *wiž* в падеже мишени рефлексивизации, что соответствует прономинальной функции данного слова, и местоимения *wiž* в падеже контролера рефлексивизации, что соответствует эмфатической функции. Второе *wiž* фокусирует внимание адресата на том, что говорящий знает, что информация о референте первого *wiž* в текущем сообщении противоречит ожиданиям адресата (адресат ожидает некорреферентности) и что в предположения о референте первого *wiž* необходимо внести соответствующее исправление.

Если вернуться теперь к инварианту толкования эмфатического местоимения *wiž* (1.2.1.6), то можно заметить, что эмфатическое местоимение *wiž* появляется в ситуации, когда участие X-а в ситуации P имеет низкую/нулевую вероятностную оценку, которая основана на том, что на шкале значений некоторой качественной характеристики (q) X имеет предельное (максимальное/минимальное) значение. При этом коррекция подлечит не позиция X-а на шкале качества, а вероятностная импликация о неучастии X-а в ситуации P. В случае сильного рефлексива (пример (37)) участие Расула в роли претерпевающего имеет очень низкую вероятностную оценку, которая основывается на прагматической шкале возможности участия произвольного референта в ситуации "быть пораненным Расулом". Понятно, что на этой шкале Расул занимает позицию ниже любой другой ИГ (Расул скорее поранил кого бы то ни было, чем самого себя). Эмфатическое *wiž* не меняет позиции Расула на этой шкале, а лишь сообщает, что выведенная адресатом импликация в данном случае не соответствует действительности¹³.

Показательно употребление сильного рефлексива в зависимой предикации. Поиски референта слабого рефлексива происходят в другой предикации, тогда как употребление сильного рефлексива снимает возможность дистанционной анафоры:

(43) *rasul_i inamišex-e-wo=r bajram-e;_j wuž_i get₀-i-t-qa*
 Расул.NOM верить-IPF-COP=I Байрам-ERG сам.NOM бить-MASD-SUP-ALL

Расул верит, что Байрам его побил.

(44) *rasul_i inamišex-e-wo=r bajram-e;_j wuž-e: wuž_j get₀-i-t-qa*
 Расул.NOM верить-IPF-COP=I Байрам-ERG сам-ERG сам.NOM бить-MASD-SUP-ALL

Расул верит, что Байрам самого себя побил.

1.2.3.2.2. Внутренне и внешне ориентированные действия.

Однако не все предикаты по своей семантике предполагают несовпадение участников описываемой ими ситуации. С этой точки зрения можно выделить внешне и внутренне ориентированные действия (*außengerichtete vs. eigenorientierte Handlungen* у Э. Кёнига). Так, глаголы типа *защищать, одевать, мыть* в отличие от, скажем, *атаковать, обвинять, ненавидеть* в значительной степени безразличны к совпадению / несовпадению референтов своих центральных актанта¹⁴. Такое "безразличие" должно приводить к тому, что на прагматической шкале возможного участия с ролью *i* в некоторой внутренне ориентированной ситуации у ИГ, уже участвующей в данной ситуации с ролью *j*, будет такой же ранг, что и у любой другой ИГ. Отсюда следует вывод, что для маркирования кореферентности в предложении с внутренне ориентированным предикатом должен употребляться слабый рефлексив, то есть одиночное местоимение *wiž*. Сравним (45), где внешне ориентированный предикат *знать* не допускает маркирование кореферентности слабым рефлексивом, и (46), где местоиме-

¹³Из базовых значений эмфатического *wiž* здесь, скорее всего, реализуется неожиданное (неестественность совпадения участников ситуации) значение.

¹⁴На наш взгляд, очень характерно, что при внутренне ориентированных глаголах в русском языке возможна глагольная рефлексивизация (*защищаться, одеваться, мыться*), в то время как при внешне ориентированных глаголах стратегия рефлексивизации именная (**обвиняться, но обвинить (самого) себя*).

ние *wiʒ* при внутренне ориентированном предикате *мыть* допускает antecedent как внутри, так и вне предикации:

(45) *rasul-u-kʔe wiʒ ac'a*
Расул-OBL-AFF сам.NOM знать. IPF

*Расул себя знает. / Расул его знает.

(46) *gad-e: wiʒ hojʔai*
мальчик-ERG сам.NOM мыть.IPF

Мальчик моется. / Мальчик его моет.

1.2.4. Таким образом, была продемонстрирована связь эмфатического местоимения и местоимения, употребляющегося в контексте кореферентности в цахурском языке. Оказалось возможным описать составной рефлексив, опираясь на семантику местоимения *wiʒ* в эмфатическом употреблении и на сведения о его функционировании в роли средства повторной номинации в тексте. В следующем разделе будет рассмотрен в основном русский материал и будет показано, что поведение русского эмфатического местоимения *сам* в контексте рефлексивизации во многом параллельно использованию цахурских сильных рефлексивов.

2. РУССКИЕ СОСТАВНЫЕ РЕФЛЕКСИВЫ

Русское возвратное местоимение *себя* может маркировать кореферентность как актантов одной предикации, так и актантов главной и зависимой предикации в некоторых полипредикативных конструкциях:

(47) *С новым временем года поздравляю себя...* (Бродский).

(48) *Царь велел себя раздеть...* (Ершов).

Как уже было отмечено, местоимение *себя* довольно часто встречается в сопровождении эмфатического местоимения *сам*. В [Кибрик, Багданова 1995] выделяется три типа подобных конструкций: тип "сам себя", тип "самого себя" и тип "себя самого".

(49) – *Какой вздор! Не обманывай-то хоть сам себя* (Булгаков).

(50) *Тогда, что же поделаешь, приходится разговаривать ему с самим собою* (Булгаков).

(51) *На фотографии он нашел мать, брата, а затем и себя самого.*

2.1. Тип "себя самого" встречается довольно редко. Он появляется только при сильной контекстуальной или конситуационной поддержке. Практически конструкции "себя самого" соответствует добавляющему или контрастивному значению эмфатического местоимения *сам*, "навешенного" на рефлексив. Соответственно контекст должен предполагать либо возможность добавления X-а к множеству подвергающихся некоторому воздействию с его же стороны (52), либо возможность исключения всех членов этого множества в пользу X (53).

(52) = (51) *На фотографии он нашел мать, брата, а затем и себя самого.*

(53) *Чем кивать на других, посмотри лучше на себя самого!*

2.2. Типы "самого себя" и "сам себя", на наш взгляд, являются функциональными аналогами цахурского сильного рефлексива¹⁵. Они употребляются только в пределах одной предикации в случае актантной роли мишени рефлексивизации, а также при предикатах, выражающих внешне ориентированные действия.

(54) *Он увидел рядом с собою дуло пистолета.*

(55) *?Он увидел рядом с самим собой / сам рядом с собою дуло пистолета.*

(56) *Он критиковал сам себя / самого себя.*

(57) *Он критиковал себя.*

¹⁵Будем называть эти два типа русскими сильными рефлексивами.

Примеры (54) и (55) демонстрируют предпочтительность простого *себя* в случае сирконстантной роли мишени, а примеры (56) и (57) – предпочтительность сильного рефлексива в случае актантной роли мишени.

Русские внутренне ориентированные предикаты обычно используют глагольную стратегию рефлексивизации (морфема *-ся*). Заметим, что эта морфема восходит к местоимению *себя* (ср. обычные "школьные" перифразы типа *защищается = защищает себя*). Внешне ориентированные предикаты используют сильный рефлексив¹⁶:

(58) ? В гибели своего друга он обвиняет себя.

(59) Он обвиняет сам себя / самого себя.

Таким образом, можно провести функциональные параллели между цахурским сильным рефлексивом (*виџе: виџ*) и русским "сильным рефлексивом" (конструкция "самого себя" и "сам себя") с одной стороны и цахурским слабым рефлексивом (*виџ*) и простым русским *себя* с другой стороны. И русские, и цахурские "сильные рефлексивы" являются сигналами о том, что вопреки ожиданиям слушающего один участник играет в ситуацию две разные центральные роли. Вследствие этого русский сильный рефлексив, как и цахурский, в зависимости предикации снимает возможность дистанционной анафоры.

(60) Иван, велел Петру, [0, приготовить себе_{1, >} ужин].

(61) Иван, велел Петру, [0, приготовить ужин самому себе₁].¹⁷

В (60) простой рефлексив может контролироваться как из главной предикации (этот вариант предпочтительнее), так и из зависимой предикации. Любопытно, что контроль из зависимой предикации (контролером является 0) для слабого рефлексива возможен только в случае неактантной роли мишени¹⁸. В (61) сильный рефлексив полностью исключает возможность поиска антецедента в главной предикации.

Анализ референции рефлексива в юссивных комплементах позволяет высказать дополнительные соображения о конструкции "себя самого". Рассмотрим (62).

(62) После того как шут, передразнивая, изобразил всех придворных, король велел ему, изобразить себя самого_{1, >}.

Составной рефлексив *себя самого* по "требованиям", накладываемым на антецедент, совпадает с простым рефлексивом *себя*. Сравним (60) и (62): в обоих предложениях при возможности контроля со стороны 0 внутри зависимой предикации дистанционная анафора оказывается предпочтительнее. Мы делаем вывод, что из трех конструкций: "сам себя", "самого себя" и "себя самого" только первые две соотносятся с цахурским сильным рефлексивом. Их употребление определяется определенными синтаксическими условиями, и эмфатическая семантика местоимения *сам* предстает здесь в наиболее общем, "инвариантном" виде. Применительно к ним можно говорить о происходящем процессе грамматикализации (в цахурском языке употребление сильных рефлексивов уже является частью грамматики).

Что же касается конструкции "себя самого", то в ней предлагается усматривать простой рефлексив, на который "навешена" семантика, привносимая добавляющим (и, возможно, контрастивным) *сам*. Теперь становится понятной удивительная нераспространенность этой конструкции. Во-первых, для нее необходима контекстуальная или

¹⁶Форма на *-ся* от внешне ориентированного предиката обычно маркирует пассивизацию (*Раскольников обвиняется в убийстве*). Любопытно, что если частица *-ся* при внешне ориентированном предикате не является маркером пассивизации, то она может трактоваться как реципрокальная (ср. *биться, целоваться, обниматься*).

¹⁷В данном предложении конструкция "самого себя", а не "сам себя". О причинах невозможности "сам себя" при юссивных глаголах (*велеть, приказать* и т.д.) см. ниже.

¹⁸Так, например, невозможно следующее расставление индексов кореферентности, если мишень – центральный актант:

(i) Иван, велел Петру, 0₁ аплодировать себе₁

Это объясняется неестественностью простого рефлексива на месте центрального актанта в (ii) *Петр аплодировал себе* при нормальном (iii) *Петр приготовил себе ужин*, где рефлексив находится в позиции факультативного актанта.

конситуационная поддержка. Во-вторых, в пределах простого предложения простой рефлексив употребляется довольно редко: внутренне ориентированные глаголы тяготеют к глагольной стратегии рефлексивизации, и употребление простых рефлексивов ограничивается факультативными и сирконстантными ролями, как например, в (63).

(63) *Иван приготовил себе ужин.*

Однако таким ролям несвойственно попадать в фокус контраста, в то время как добавляющая и контрастивная семантика имплицитует его в большой степени. Более того, как только периферийная роль благодаря контекстуальной поддержке попадает в этот фокус, она выдвигается "на первый план" и в коммуникативном смысле становится одной из главных ролей, что влечет за собой возможность появления сильного рефлексива:

(64) *Сначала Иван приготовил ужин родителям, а затем себе самому / самому себе.*

Очевидно, конструкция "себя самого" наиболее употребительна во вставленных предикациях, где рефлексив *себя* контролируется из главного предложения (например, (62)). В этом случае он может играть одну из центральных ролей в зависимой предикации, а попадание в фокус контраста не приводит к конкуренции с сильными рефлексивами, так как сильные рефлексивы не допускают дистанционной анафоры.

2.3. "Сам себя" или "самого себя".

Итак, русские конструкции "сам себя" и "самого себя" употребляются в контекстах, аналогичных контекстам, в которых появляются цахурские сильные рефлексивы. Поэтому мы определили эти две конструкции как русские сильные рефлексивы. Возникает вопрос, чем отличаются эти две конструкции. Предлагается следующее решение этого вопроса: конструкции "сам себя" и "самого себя" употребляются в зависимости от того, с какой из ролей – ролью контролера или ролью мишени – совпадает фокус эмпатии говорящего. Для того, чтобы показать это, представляется необходимым сделать два экскурса. В первом экскурсе мы вернемся к цахурскому материалу и покажем, что в принципе в фокусе эмпатии могут находиться как одна, так и другая роль. Во втором экскурсе мы вслед за А.Е. Кибриком [Кибрик 1995] обратимся к даргинской рефлексивизации. Сравнение материалов этих языков с русским поможет объяснить употребление русских сильных рефлексивов.

2.3.1. Экскурс 1. Нейтральная стратегия в цахурском языке.

Напомним, что для выражения кореферентности внутри одной клаузы во многих дагестанских языках, в том числе и в цахурском, может употребляться сильный рефлексив. Одна из кореферентных ИГ (какая – будет обсуждаться ниже) остается без изменений, другая опускается, а в клаузу вводится еще два слова: это местоимение *wuʒ* в падеже сохраненной и опущенной ИГ, например:

(65) *jed-i-ʒ-e   ʒe-ʒ-e   jiʒ   k'elerʒn*
 мать-OBL-AD-EL   сам-OBL-AD-EL   сам. NOM   забыть.2.PF

Мать забыла про самое себя.

В связи со сформулированным правилом возникает вопрос о стратегии кореферентного опущения. С.Ю. Толдова [Толдова 1997], исследуя цахурскую рефлексивизацию, показала, что обычно сохраняется наиболее агентивная ИГ, т.е. стратегия акторная. Тем не менее засвидетельствованы случаи, когда эта стратегия нарушается. Дело в том, что в цахурском языке большую роль играет коммуникативное выделение, и в частности, такая деталь "упаковочного компонента", как точка зрения (фокус эмпатии). Оказывается, что сохраняется та ИГ, которая соответствует находящейся в фокусе эмпатии роли. Рассмотрим, например, (66) и (67) (эти примеры сочинены информантом специально, чтобы продемонстрировать различаемый им нюанс):

(66) *xorbi   himaʒa,   bajram   wuʒ-e   wuʒ   get-u*
 обман. NOM   делать.PRH   Байрам-NOM   сам-ERG   сам.NOM   бить.1-PF
menni   ʒawa-ʒa=r   deʒ
 больше   кто.ERG-EMPH=1   нет

Не обманывай, Байрам сам себя побил, а больше никто (никто другой его не побил).

(67)	<i>xorbi</i>	<i>himaʔa,</i>	<i>bajram-e:</i>	<i>wuʒ-e:</i>	<i>wuʒ</i>	<i>get-u</i>
	обман. NOM	делать-PRH	Байрам-ERG	сам-ERG	сам-NOM	бить.1-PF
	ʒe-na	deʒ				
	другой.NOM-A.A	нет				

Не обманывай, Байрам самого себя побил, а не другого (никого другого он не побил).

В (66) исходной точкой сообщения является представление о Байраме в роли избитого: сообщается о тождестве бьющего побитому. В (67) же, наоборот, в фокусе эмпатии находится роль Байрама как бьющего; утверждается, что на роль избитого другой кандидатуры не имеется.

Таким образом, мы приходим к следующему выводу: немаркированной является такая ситуация, когда в фокусе эмпатии находится наиболее агентивная в данной клаузе роль, что соответствует акторной стратегии кореферентного опущения. С другой стороны, в определенных коммуникативных условиях оказывается необходимым подчеркнуть, что в фокусе эмпатии находится другая роль; тогда мы получаем пример типа (66).

Отметим особо, что возможность рефлексивизации "и в ту и в другую сторону" происходит из того, что в цахурском языке стратегия рефлексивизации выбирается в соответствии не с синтаксическими позициями кореферентных ИГ, а в соответствии с их семантическими ролями. Поэтому в отличие от рефлексивизации "по синтаксическим правилам" (как, например, в русском или в других языках с подлежащим), где контролер определяется исключительно положением кореферентных ИГ в синтаксической структуре, цахурская рефлексивизация "не замутнена" синтаксическими ограничениями.

2.3.2. Экскурс 2. Нейтральная стратегия в даргинском языке.

Как и в цахурском языке, в ичаринском диалекте даргинского языка рефлексивизация выражается составным рефлексивом, состоящим из двух местоимений *ca = w*, одно из которых стоит в фиксированном падеже (генитиве), а падеж другого местоимения зависит от падежа мишени рефлексивизации. При этом ИГ-контролер рефлексивизации сохраняется, а ИГ-мишень заменяется на указанный составной рефлексив.

А.Е. Кибрик отмечает, что сохраняется та ИГ, которая соответствует находящейся в фокусе эмпатии роли. Он предлагает рассмотреть следующие примеры:

(68)	а.	<i>musa-l</i>	<i>caratajir</i>	<i>cin-na</i>	<i>ca=w</i>	<i>c'a/q'il</i>	<i>gap'irq'aca=w</i>
		Муса-ERG	чем.другие	сам-GEN	сам.NOM=1	больше	хвалить=1

Муса хвалит больше самого себя, чем других.

	б.	<i>musa</i>	<i>caratajir</i>	<i>cin-na</i>	<i>cin-ni</i>	<i>c'a/q'il</i>	<i>gap'irq'aca=w</i>
		Муса-NOM	чем другие	сам-GEN	сам-ERG	больше	хвалить=1

Муса больше сам, чем другие, хвалит себя.

(69)	а.	<i>musa-j</i>	<i>caratajir</i>	<i>cin-na</i>	<i>ca=w</i>	<i>c'a/q'il</i>	<i>w=ivaqu</i>
		Муса-DAT	чем другие	сам-GEN	сам.NOM=1	больше	1=любить

Муса любит больше самого себя, чем других.

	б.	<i>musa</i>	<i>caratajir</i>	<i>cin-na</i>	<i>cin-ij</i>	<i>c'a/q'il</i>	<i>w=ivaqu</i>
		Муса.NOM	чем другие	сам-GEN	сам-DAT	больше	1=любить

Муса больше сам, чем другие, любит себя.

Различия между а. и б. автор объясняет в терминах смены фокуса эмпатии. В вариантах (а) примеров (68–69) ситуация "хвалить"/"любить" описывается с точки зрения того, кто хвалит/любит, т.е. в фокусе эмпатии находится участник с ролью анегса/

	фокус эмпатии на акторе	фокус эмпатии на претерпевающем
даргинский	musal _{Erg} cinna _{Gen} saw _{Nom} gar'irq'acaw	mu ^h a _{Nom} cinna _{Gen} cinni _{Erg} gar'irq'acaw
цахурский	gasule _{Erg} wuʒe _{Erg} wuʒ _{Nom} getu	gasul _{Nom} wuʒe _{Erg} wuʒ _{Nom} getu
русский	Иван _{Nom} самого _{Acc} себя _{Acc} любит	Иван _{Nom} сам _{Nom} себя _{Acc} любит

/экспериментера. Имя участника в этой роли стоит в соответствующем падеже (эргативе/дательном) в начале предложения. Коррелятивный актант с другой ролью рефлексивизируется с сохранением его падежа.

Если в фокусе эмпатии находится роль пациенса/стимула, то соответствующее полное имя в нужном падеже (номинативе) выносится в начальную позицию, а рефлексивизируется позиция актанта с другой ролью.

Таким образом, даргинский материал во многом параллелен цахурскому. Несколько непонятно оформление "второго рефлексива" в даргинском генетивом: он не копирует морфологическую форму ни одной из коррелятивных именных групп. На наш взгляд, этот факт может служить косвенным указанием на то, что, говоря о сильном рефлексиве как о результате процесса усиления некоторого средства повторной номинации эмфатическим местоимением, не следует тем не менее воспринимать этот эмфатический элемент как "определяющий" анафорическое местоимение и вследствие этого обязательно копирующий его падежные характеристики, как это происходит, когда эмфатическое местоимение относится к ИГ. В случае сильных рефлексивов эмфатический элемент модифицирует скорее всю конструкцию в целом, поэтому его морфологические характеристики во многом произвольны.

2.3.3. Фокус эмпатии и русский сильный рефлексив.

Итак, мы показали, что в случае коррелятивности актантов одного предиката ситуация, описываемая данным предикатом, может рассматриваться с точки зрения любой из двух ролей. В цахурском и даргинском языках проявлением различных точек зрения (точки зрения актанта и точки зрения претерпевающего) являются разные контролеры рефлексивизации. Та ИГ, которая соответствует находящейся в фокусе эмпатии семантической роли, сохраняется и контролирует сильный рефлексив.

Русские конструкции "самого себя" и "сам себя", на наш взгляд, также различаются в соответствии с фокусом эмпатии: конструкция "самого себя" соответствует представлению ситуации с точки зрения актанта, а конструкция "сам себя" – с точки зрения претерпевающего.

В таблице 2 представлены даргинские, цахурские и русские предложения с сильными рефлексивами. Как нам представляется, во всех трех языках выделяются следующие оппозиции:

- 1) сильный vs. слабый рефлексив;
- 2) фокус эмпатии на акторе vs. на претерпевающем.

Сильный рефлексив, как было показано раньше, призван маркировать прагматически неестественную ситуацию коррелятивности "там, где ее не должно быть", там, где слушающий ее не ожидает. Во всех трех языках оппозиция сильный vs. слабый рефлексив маркируется сходным образом. Сильный рефлексив состоит из двух слов. Одно из этих слов в одиночном употреблении маркирует прагматически нейтральный случай коррелятивности (когда у слушающего нет "отрицательных ожиданий"). Второе слово, являясь определением полной ИГ, передает описанную выше эмфатическую семантику. Можно предположить, что в случае сильных рефлексивов оно определяет конструкцию в целом, поэтому конкретно-языковые реализации его морфологического оформления могут быть различными: в цахурском языке это повтор падежа контролера, в даргинском – генетив, а в русском – согласование с мишенью либо контролером.

	Эмфатическое местоимение	Контекст сильного рефлексива	Контекст слабого рефлексива	Зависимая предикация	Другое предложение
цахурский	<i>ниџ</i>	<i>ниџе·ниџ</i>	<i>ниџ</i>	<i>ниџ</i>	<i>ниџ, тана</i>
багвалинский	<i>ewda</i>	<i>ewda</i>	<i>ew'ewda</i>	<i>ew</i>	<i>ow</i>
русский	<i>сам</i>	<i>сам себя. са-мого себя</i>	<i>себя, -ся</i>	<i>себя. он</i>	<i>он</i>
немецкий	<i>selbst</i>	<i>sich selbst</i>	<i>sich</i>	<i>er</i>	<i>er</i>
английский	<i>himself</i>	<i>himself</i>	<i>himself</i>	<i>he/himself</i>	<i>he</i>
французский	<i>même</i>	<i>lui-même, soi-même, se</i>	<i>se, lui, soi</i>	<i>lui (il)</i>	<i>lui (il)</i>

Вторая оппозиция, последовательно проводимая представленными языками, касается вопроса о том, какая роль находится в фокусе эмпатии. В цахурском и даргинском языках информация об этом заключена в падеже сохраненной ИГ – этот падеж соответствует той семантической роли, с точки зрения которой описывается ситуация. В русском языке контролером рефлексивизации принудительно является подлежащее, поэтому цахурско-даргинская стратегия маркирования фокуса эмпатии путем сохранения соответствующей ИГ здесь невозможна. Поскольку полная ИГ неизбежно останется в именительном падеже, оппозиция "по точке зрения" должна маркироваться в сильном рефлексиве, в результате чего получается две конструкции – "самого себя" и "сам себя" в качестве аналогов к цахурскому *ниџе·ниџ*.

Следует отметить, что оппозиция "по точке зрения" не является эквиополентной. Представляется, что рассмотрение события с точки зрения его наиболее активного участника является предпочтительным, "дефолтным". В этом смысле немаркированной оказывается русская конструкция "самого себя". Она может встречаться в большем числе синтаксических контекстов, чем конструкция "сам себя". Рассмотрим лишь пару примеров.

Во-вторых, некоторые роли настолько "слабы" по сравнению с ролью актора, что невозможно представить себе ситуацию "с их точки зрения". Этим объясняется невозможность (70). В (71) же ситуация представляется с "дефолтной" точки зрения: в фокусе эмпатии наиболее агентивная ИГ – подлежащее.

(70)* *Он положил пистолет рядом сам с собой.*

(71) *Он положил пистолет рядом с самим собой.*

Во-вторых, тип "самого себя" предпочтителен в императивах, а также в юссивных компонентах – "косвенных императивах" по выражению Диксона [Dixon 1979]: в этих конструкциях в фокусе эмпатии находится контролер действия¹⁹. Имеем поэтому:

(72) *Познай самого себя / ?сам себя!*

(73) *Король велел художнику нарисовать самого себя / *самому себя.*

Напоследок хотелось бы сделать еще одно замечание, касающееся русских сильных рефлексивов. Речь идет о связанном употреблении компонента *сам-* в русских сложных словах. В [Кибрик 1995] показано, что сложные слова с инкорпорированным *сам-* могут быть образованы как от возвратных конструкций (РЕФЛ-деривация), так и от конструкций с независимым *сам* (САМ-деривация). Остановимся на РЕФЛ-деривации.

¹⁹Так же устроены конструкции с двухместными фазисными и модальными глаголами.

РЕФЛ-деривация призвана образовывать существительные, описывающие некоторую ситуацию (nomina actionis), которая соответствует предикату с кореферентностью двух актантов. Оказывается, что материалом для РЕФЛ-деривации могут служить только конструкции с сильным рефлексивом. Действительно, в случае слабого рефлексива деривация оказывается невозможной: *самопокупка ← он покупает себе дом (сирконстантная роль мишени), *самоодевание ← он одевается (внутренне ориентированное действие). Теперь становится понятным наличие в продуктах РЕФЛ-деривации компонента сам-, а не компонента себя-: любое сложное слово с инкорпорированным сам может быть перефразировано выражением, содержащим слово сам, но не любая конструкция, содержащая себя, а лишь конструкция, содержащая сильный рефлексив (сам себя либо самого себя) может быть "свернута" в сложное слово.

А.Е. Кибрик различает сложные слова – результаты РЕФЛ-деривации, восходящие к разным типам сильных рефлексивов. Например, *самозащита* наиболее нейтрально перефразируется выражением *защищает сам себя*. В фокусе эмпатии описываемой этим словом ситуации находится роль объекта (того, кого защищают), и неожиданным является то, что защищаемый и защищающий – одно и то же лицо. Однако имеются сложные слова с другой возвратной деривацией, а именно восходящие к конструкции *самого себя*. Так, фокусом эмпатии в слове *самоуважение* является субъектная роль участника, что подтверждается нейтральным перефразом *Х уважает самого себя*.

3. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОБЩЕНИЯ

В предыдущих разделах были проведены типологические параллели между цахурским и русским материалом. Проведенный анализ показал, что в этих типологически разнотипных языках много общего. Во-первых, в обоих языках существует лексема, передающая эмфатическую семантику, инвариант которой предложен в 1.2.1.6. Примечательно, что во многом совпадают и частные значения этого инварианта. Во-вторых, в обоих языках в определенных контекстах употребляются так называемые сильные рефлексивы, которые структурно и функционально удается сопоставить с сочетанием некоторого средства повторной номинации, используемого также и в других контекстах, и эмфатического элемента. В-третьих, сильные рефлексивы в обоих языках оказываются чувствительными к фокусу эмпатии. Заметим, что точка зрения – это частный случай точки референции, используемой при описании одного из эмфатических значений (1.2.1.5).

Полученные выводы вызывают несколько вопросов, связанных с типологией рефлексивизации вообще. Один из этих вопросов – какие аналоги рассмотренных конструкций представлены в других языках. В таблице 3 приведены материалы языков, известных автору. В первой графе представлено местоимение, передающее рассмотренную эмфатическую семантику в примененном употреблении. Во второй и третьей графах представлены единицы, встречающиеся в пределах одной предикации в контекстах, соответствующих цахурско-русским сильным (актант, внешне ориентированный глагол) и слабым (сирконстант, внутренне ориентированный глагол) рефлексивам. В четвертой графе указано средство повторной номинации в зависимой предикации, имеющее antecedent в главной²⁰. Наконец, в пятой графе указаны средства повторной номинации, встречающиеся в независимом предложении.

Из таблицы видно, что во всех рассматриваемых языках присутствуют два ортогональных средства – повторной номинации и эмфатическое. Средства повторной номинации некоторым (различным по языкам) образом делят шкалу, которую можно назвать шкалой расстояния до antecedenta: так, в цахурском языке граница между

²⁰Возможно, в рамках этой графы следует различать каузативы, собственно синтетические актанты, глаголы говорения, синтетические сирконстанты.

местоимениями *wiż* и *tana* проходит на уровне независимого предложения, в русском и английском – на уровне зависимой предикации, в немецком местоимении *sich* употребляется только в пределах одной предикации, а начиная с зависимой предикации функционирует местоимение *er*. В русском и французском языках на некотором участке шкалы оказывается параллельно возможной глагольная стратегия рефлексивизации. В контексте сильного рефлексива происходит пересечение эмфатической единицы и средства повторной номинации: образующееся выражение либо состоит из этих двух средств (цахурский, русский, немецкий, французский), либо совпадает с эмфатической единицей (багвалинский, английский). Обслуживающее левую границу шкалы расстояний до antecedента местоимение может как совпадать с эмфатическим (цахурский, английский, багвалинский), так и не совпадать (русский, немецкий, французский).

Отсюда следует другой вопрос – как связаны эмфатическая функция и функция повторной номинации в тех языках, где для этих функций используется одно слово? Представляется, что можно указать как минимум два параметра, объединяющие две данные функции. В качестве одного из этих параметров можно назвать дискурсивные ожидания слушающего. Представляется, что у коммуникантов имеется некоторое общее конвенционализированное знание о том, как должен развиваться дискурс. Можно предположить, что в общем случае развитие дискурса может быть графически сопоставлено скорее с вектором, исходящим из точки общих сведений говорящего и слушающего и направленным в некоторую точку, соответствующую знаниям коммуникантов после процесса коммуникации, чем с "беспорядочным блужданием" в этом пространстве, возвращением в точку, где коммуниканты уже находились какое-то время назад и т.д. Дискурсивные ожидания слушающего, таким образом, состоят, в частности, в том, что каждый новый квант дискурса продвигает его вперед по этому вектору. Общим же в функции эмфатических элементов и средств повторной номинации является указание на некоторый неожиданный²¹ "откат" в процессе дискурса, возвращение к тем референтам, тем точкам, через которые коммуниканты уже "проходили".

Другой когнитивный параметр, объединяющий эмфатические элементы и средства повторной номинации – это близость доступа. Вот что С. Кеммер пишет об английском *himself* как средстве повторной номинации и эмфатическом элементе: "... тот референт дискурса, с которым связано местоимение на *-self*, наиболее близок в том смысле, что он легко доступен (т.е. легко идентифицируется как искомый референт) благодаря концептуальной выделенности его antecedента" [Kemmer 1993]. Antecedent средства повторной номинации, обслуживающего левый конец шкалы, легко доступен, так как был активирован практически только что. Также легко доступна и ИГ, маркированная эмфатическим местоимением: вспомним, например, что в случае дискурсивного эмфатического местоимения эта ИГ является точкой референции, благодаря которой коммуниканты получают доступ к другим активированным в процессе дискурса референтам.

Тот факт, что в ряде языков эмфатическая функция и функция повторной номинации объединены в рамках одной лексемы, помогает представить когнитивно-ориентированную модель полисемии подобных единиц. Центральной их когнитивной функцией, на наш взгляд, можно считать функцию "неожиданного коммуникантами вследствие конвенциональных сведений об устройстве дискурса возвращения к одной из предыдущих точек дискурса". Выделенные в 1.2 базовые значения эмфатического местоимения, а также средства повторной номинации расположатся в этой модели следующим образом:

²¹ Безусловно, такой "откат" представляется неожиданным лишь в самом общем случае. Например, ряд предикатов (таких как каузативные, юссивные, предикаты типа *хотеть* или *бояться* (делать ч.-л.)), наоборот, предполагают "шаг назад" по своей семантике.

По-видимому, только с компонентом ядра "неожиданное" соотносится неожиданное значение эмфатического элемента (1.2.4). Все остальные значения так или иначе связаны с понятием "неожиданного возвращения". Понятие дискурсивного возвращения²² мы трактуем очень широко. Наиболее простой случай возвращения – возвращение к некоторому уже упоминавшемуся референту. В случае средства повторной номинации это любой элемент дискурса. Если этот элемент является ключевым для данного отрезка дискурса – топиком, точкой референции – мы получаем дискурсивное значение эмфатического элемента²³. Три других типа дискурсивного возвращения менее тривиальны. СамДОБ соответствует возвращению к ситуации: так, в предложении *Петров сам тогда напился* мы должны вернуться к ситуации "напиться", которая уже встречалась в некоторой точке дискурса с другими участниками, и рассмотреть ее "в новом качестве" – добавив к участникам Петрова. Возможно возвращение и к более мелким деталям информации, полученной в дискурсе. Однако прежде чем обсудить оставшиеся два элемента схемы, иллюстрирующие такое возвращение, мы предлагаем ввести понятие "аутовозвращения"²⁴.

Под аутовозвращением предлагается понимать такой когнитивный процесс, когда при анализе линейно выстроенного высказывания мы должны проанализировать его как бы дважды, на двух разных уровнях. Высказывание, содержащее дискурсивные элементы, указывающие на аутовозвращение, в некотором смысле возвращает к самому себе. Рассмотрим, например, русское предложение с самСАМОСТ *Иван сам уйдет*. Слушающий должен как бы разложить его анализ на две когнитивные операции: проанализировать сначала пропозициональное содержание (*Иван уйдет*), а затем, с уже полученным знанием о предстоящем уходе Ивана, вернуться к одному из компонентов значения глагола – в данном случае к компоненту намерения (см. 1.2.1.3). "Когнитивным перифразом" данного высказывания могло бы послужить такое предложение: *Иван уйдет, и сделает это сам*. Эмфатическое *сам* в рассматриваемом предложении возвращает, таким образом, к одному из компонентов значения данного предложения.

²² Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою благодарность С.В. Кодзасову, обсуждавшему с автором данную проблематику в личной беседе.

²³ В схеме приведены значения русской эмфатической лексемы *сам*, сокращенно самДИСК(урсивное), самНЕОЖ(жданное), самСАМОСТ(ожательное), самДОБ(авляющее), самКОНТР(астивное).

²⁴ В значении "возвращение к самому себе". Удачнее было бы "рефлексивное возвращение", связанное с функционированием термина рефлексивный как направленный на самого себя, но не хотелось бы придавать этому лингвистически нагруженному слову еще один контекст употребления.

Представляется, что самКОНТР, а также самСАМОСТ в значении "без посторонней помощи" отсылают к компоненту "X заполняет данную валентность". Так, предложение *Но Марья Гавриловна сама в беспрестанном бреду высказывала свою тайну* с самКОНТР перефразируется как *Марья Гавриловна ... высказывала свою тайну; именно Марья Гавриловна делала это*. В предложении *Иван сам починил машину* (самСАМОСТ) также происходит аутовозвращение к компоненту значения данного предложения – связи между починкой и Иваном.

Последний вопрос, на котором предполагается остановиться, – это случаи совпадения сильного рефлексива и эмфатического элемента (английский, багвалинский). Кажется, что эти случаи могут трактоваться как контрпримеры нашему утверждению, что в контексте сильного рефлексива происходит пересечение эмфатической единицы и средства повторной номинации: образующееся выражение должно по идее состоять из этих двух средств, чего в данных языках на первый взгляд не происходит.

Это несоответствие может быть объяснено в результате диахронического анализа. Дело в том, что и английское *himself*, и багвалинское *ew-da* могут быть расчленены на две составные части – некоторое местоимение, использующееся в других контекстах как средство повторной номинации (англ. *him*, багв. *ew*'), и эмфатическую частицу (багв. *-da*, англ. *-self*). В ходе исторического развития частицы слились с местоимениями и в таком виде стали употребляться не только в позиции сильного рефлексива, но и в эмфатической функции. Показательна в этом отношении история английского местоимения *himself*²⁵. Прагерманское средство выражения кореферентности **silk*, соответствующее русскому *себя* и немецкому *sich*, в английском было утрачено. Кореферентность выражалась личным местоимением с возможным добавлением элемента *sylf* (*self*). С другой стороны, и элемент *sylf* существовал отдельно от местоименной части и мог выражать эмфатическую семантику, относясь к полной ИГ. В результате фузии личного местоимения и эмфатического элемента образовались *-self*-местоимения в их современном виде.

Остается добавить, что такая нетрадиционная судьба английского рефлексива создала для исследователей множество проблем. К сожалению, исследование средств повторной номинации в рамках GB было англоцентричным, что привело к ряду недоразумений. В качестве одного из таких недоразумений рассмотрим проблему логофорического употребления английских *-self*-местоимений. Для описания предложений типа (74) в классификацию средств повторного наименования пришлось, наряду с анафорами и прономиналами, добавлять особый тип местоимений – логофоры.

(74) *John knew that there was a picture of himself in the post-office.*

Проблема решается намного проще, если рассматривать в этом предложении местоимение *himself* как прономинал в сочетании с дискурсивным (возврат к топику) значением эмфатического элемента.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы подробно рассмотрели данные цахурского и русского языков на предмет связи эмфатического и анафорического функционирования соответствующих цахурской (*wiʒ*) и русских (*сам* и *себя*) лексем. На наш взгляд, результаты предпринятого контрастивного анализа можно назвать многообещающими. Представляется неслучайным, что в этих двух языках, а также в языках, представленных в таблице 3, эмфатическая и рефлексивная семантика образуют некий кластер. В разделе 3 был предложен вариант когнитивного базиса для объединения указанных функций в данный кластер.

Типологическое исследование этой проблематики, однако, может пойти еще дальше. Известно, что в языках мира представлены как именная, так и глагольная

²⁵Здесь автор пользуется материалами доклада Э. Кёнига (Берлин) *Distribution und Bedeutung von Reflexivpronomina im Englischen: Versuch einer historischen Erklärung* (1993).

Условные обозначения

1-4	1-4 классы существительного атрибутив	CONT COP DAT	локализация «Cont» связка датель
A	атрибутив	EL	эллипсис
A.A	атрибутив 1-3 класса единственного числа	EMPH	эмфатическая частица
A.OBL	косвенный атрибутив	ERG	эргатив
AD	локализация «Ad»	HPL	множественное число
ADJ	адъективизатор		1-2 классов
AFF	аффектив	HABIT	хабитуалис
ALL	аллатив	IMP	императив
ASS	ассоциативный классно-числовой показатель	IN	локализация «In»
		IPF	имперфектив
		Л	эпистемический маркер
COMIT	комитатив		
COND	кондиционалис	MASD	масдар
NEG	отрицание	POSS	поссесив
NI	эпистемический маркер	POT	потенциалис
PF	перфектив	SUP	локализация «Super»
PL	множественное число	WY	комплементаризер

стратегии рефлексивизации. Нам представляется, что рефлексивизация как средство, призванное маркировать кореферентность в пределах одной предикации, сама по себе не существует в том смысле, что для маркирования совпадения центральных участников ситуации языки не располагают каким-то особым, специально для этих целей "зарезервированным" средством. Напротив, язык кодирует эту экстраординарную ситуацию при помощи средств (или комбинации средств), использующихся прототипически в других функциях. В случае глагольной стратегии рефлексивизации таким средством можно считать залоговые трансформации; в случае именной стратегии, как было показано в статье, это некоторое средство повторной номинации в сочетании с эмфатической единицей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Джонсон-Лард Ф. 1988 – Процедура семантика и психология значения. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.
- Кибрик А.Е. 1995 – Связанные употребления лексемы *сам*: системно-когнитивный анализ. 1995 (рукопись).
- Кибрик А.Е., Богданова Е.А. 1995 – Сам как оператор коррекции ожиданий адресата // ВЯ. 1995. № 3.
- Кинэн Э. 1982 – К проблеме универсального определения подлежащего // Новое в лингвистике. Вып. 11. М., 1982.
- Толдова С.Ю. 1997 – Анафорическое местоимение *киш* (в печати).
- Чейф У. 1982 – Данное, новое, контрастивность, определенность, топики и точка зрения // Новое в лингвистике. Вып. 11. М., 1982.
- ЭЦЯ 1997 – Элементы цахурского языка / Под ред. А.Е. Кибрика (в печати).
- Dixon R.M.W. 1979 – Ergativity // Language. V. 55. 1979. № 1.
- Edmondson J., Plank F. 1978 – Great expectations: an intensive SELF-analysis // Linguistics and philosophy. V. II. 1978.
- Farmer A., Harnish M. 1987 – Communicative reference with pronouns // The pragmatic perspective / Ed. by M. Papi, J. Verschueren. Amsterdam, 1987.
- Kenner S. 1993 – Emphatic and reflexive-self: Expectations, viewpoint and subjectivity // Subjectivity and subjectivization in language / Ed. by D. Stein and S. Wright. New York, 1993.
- Langacker R. 1985 – Observations and speculations on subjectivity // Iconicity in syntax / Ed. by J. Haiman. Amsterdam, 1985.
- Langacker R. 1987 – Foundations of cognitive grammar. V. 1: Theoretical prerequisites. Stanford. 1987.
- Langacker R. 1991 – Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin: New York. 1991.
- Plank F. 1979a – Exklusivierung, Reflexivierung, Identifizierung, relationale Auszeichnung. Sprache und Pragmatik // Lunder Symposium, 1979.
- Plank F. 1979b – Zur Affinität von *Selbst* und *Auch* // Die Partikeln der deutschen Sprache. Berlin; New York. 1979.
- Zribi-Hertz A. 1989 – Anaphor binding and narrative point of view: English reflexive pronouns in sentence and discourse // Linguage. 1989. V. 65.